

ПРИТЧИ
ПРИЕМНОГО
ПОКОЯ

2

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

Андрей Шляхов

Притчи приемного покоя – 2

«Автор»

2023

Шляхов А. Л.

Притчи приемного покоя – 2 / А. Л. Шляхов — «Автор», 2023

Приемный покой – место встреч и расставаний. Здесь вершатся судьбы и выставляются диагнозы. Здесь сталкиваются друг с другом представители различных кругов общества. Здесь жизнь бьет ключом и покой (в другом смысле слова) всем только снится. Здесь истина торжествует над неведением, а жизнь пытается восторжествовать над смертью и нередко ей это удается. Здесь нет плохих и хороших, добрых и злых, успешных и неуспешных, здесь есть только медики и пациенты (родственники пациентов не в счет, потому что о них не пишут в историях болезни). Здесь все, как в жизни, и, в то же время, все по-другому. Оставь надежду всяк сюда входящий, потому что вместо надежды ты получишь прогноз, непременно прилагающийся к каждому диагнозу... Истории, вошедшие в эту книгу, начинались в разных местах и при различных обстоятельствах. Но все они стали частью той истории человечества, которая пишется в приемных покоях, и это их объединяет. Эта книга не о Приемном Покое, а о тех путях, которые приводят сюда людей и, конечно же, о любви. Книга содержит нецензурную брань

© Шляхов А. Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	6
Притча первая	7
Притча вторая	15
Притча третья	23
Притча четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Шляхов

Притчи приемного покоя – 2

Владимиру Данилову, доктору, человеку и персонажу

Соблюдая установленные традиции, автор сообщает своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых рассказывается в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны... Но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может. Относительно того, что герои иногда употребляют спиртные напитки или курят, можно сказать только одно – эти вредные привычки до добра не доводят, но при всем том являются частью нашего нынешнего бытия, а из песни, как известно, слова не выкинешь. Во всяком случае автор, будучи реалистом до мозга костей, себе этого позволить не может.

Притча – это короткий назидательный рассказ, заключающий в себе нравственное поучение.

Предисловие

Приемный покой – место встреч и расставаний.

Здесь вершатся судьбы и выставляются диагнозы.

Здесь сталкиваются друг с другом представители различных кругов общества.

Здесь жизнь бьет ключом и покой (в другом смысле слова) всем только снится.

Здесь истина торжествует над неведением, а жизнь пытается восторжествовать над смертью и нередко ей это удается.

Здесь нет плохих и хороших, добрых и злых, успешных и неуспешных, здесь есть только медики и пациенты (родственники пациентов не в счет, потому что о них не пишут в историях болезни).

Здесь все, как в жизни, и, в то же время, все по-другому.

Оставь надежду всяк сюда входящий, потому что вместо надежды ты получишь прогноз, непременно прилегающий к каждому диагнозу...

Истории, вошедшие в эту книгу, начинались в разных местах и при различных обстоятельствах. Но все они стали частью той истории человечества, которая пишется в приемных покоях, и это их объединяет.

Предопределенное неизбежно, а неизбежное предопределено.

Что наша жизнь? *Игра!* Суета за пределами приемного покоя!

Эта книга не о Приемном Покое, а о тех путях, которые приводят сюда людей и, конечно же, о любви.

Притча первая Система Станиславского

*«Эта странная труппа актеров и актрис...
Ставит зачем-то пьесы одна другой хуже.
Смотреть на них досадно, и жалко их вчуже.
Взяли бы лучшие в горничные этих актрис.
Ведь из клоквы никто не сделает барбарис,
И крокодилов никто не разведет в луже.
В этом городе дела актеров и актрис,
Хоть из кожи лез, пойдут все хуже и хуже»*

Федор Кузьмич Сологуб, «Эта странная труппа актеров и актрис...»

Дима Каширин влюбился в Ларису Азарицкую с первого взгляда, на вступительном экзамене по актерскому мастерству. А как можно было не влюбиться? Она была вся такая воздушная, к поцелуям зовущая и словно бы светила изнутри... Народ вел себя нервно – одни в сотый раз повторяли свою чтецкую программу и хорошо, если делали это тихо, другие кидались к каждому выходящему с вопросом: «Ну как?», третьи долдонили: «Я смогу... Я справлюсь... У меня все получится...», а какая-то субтильная девица ритмично билась о стену своей стриженной башкой. Лариса в этом цирке выглядела королевой – стояла и спокойно смотрела в окно, а когда пришла ее очередь так же спокойно вошла в зал, где проходил экзамен. Не крестилась перед дверью, не сплевывала через левое плечо, не поворачивалась вокруг себя трижды, а просто вошла. И вышла так же спокойно, на: «Ну как?» ответила: «Нормально» и ушла, мерно покачивая своими стройными бедрами. Походка у нее была не просто красивой, а какой-то чарующей. Диме захотелось махнуть рукой на экзамен и пойти следом за Принцессой (так он прозвал незнакомку). Вдруг получится как-нибудь элегантно завязать знакомство? Удержало только одно – если уйдешь, то пролетишь мимо и не будешь учиться вместе с такой замечательной девушкой. В том, что Принцесса поступит не было никаких сомнений, такие всегда поступают, даже если конкурс будет не сто к одному, а целая тысяча.

«Я должен поступить!» не сказал, а приказал себе Дима перед тем, как открыть дверь. Волнение как рукой сняло и сердце, до этого пытавшееся выскочить из груди, сразу же забило ровно, размеренно – вот она, великая сила любви!

Если бы кто-то в тот момент сказал Диме, что... Нет! Не будем забегать вперед, успеется. Всеу свое время.

«Демьянову уху» Дима прочел так, что если бы Крылов воскрес и послушал, то сразу бы умер снова, на сей раз не от двусторонней пневмонии, а от счастья. В конце монолога Леонидика из «Бедного Марата» дама, сидевшая на левом краю длинного стола, прослезилась и держала платочек у глаз все время, пока Дима пел «Счастье вдруг в тишине, постучалось в двери...». Программу нужно было готовить разноплановую, чтобы как можно полнее проявить свои способности и широту творческого диапазона. Дима еще и оригинальность мышления проявил – вместо русской плясовой отбил под «Счастье» джигу. Не прогадал – допустили на коллоквиум.

Лешка, гражданский муж старшей Диминой сестры Жени, рассказывал, что коллоквиум, то есть – профильное собеседование, гораздо сложнее экзамена на мастерство. Спросить могут о чем угодно и не всегда понятно, как нужно отвечать. Лешка поступал в Щуку трижды (один раз до армии и два – после), каждый раз успешно сдавал мастерство и срезался на коллоквиуме.

После третьего облома задушил в себе актера и поступил в МГУ, на географический факультет – тоже неплохая специальность.

– Тараторить нельзя, – наставлял «гражданский зять». – Скажут, что отвечаешь бездумно, заученно. Мямлить тоже не стоит, дураком сочтут. Со всем, что скажут, соглашаться нельзя, нужно уметь обосновывать свое мнение, аргументировано и логично. Но перегибать палку тоже нельзя, слишком умных отсеивают, потому что с ними проблем много... И Ктулху тебя упаси сказать, что лучшим режиссером двадцатого века ты считаешь Вахтангова! Сразу на дверь укажут, грубый подхалимаж там не прокатывает... А самое главное – не лезь в первых рядах, потому что на первых оттаптываются по полной программе, подожди, пока мэтры устанут. Они пожилые, пьющие и потому быстро выдыхаются.

Вопреки совету, Дима пошел на colloquium вторым, потому что на то имелись свои соображения, не связанные напрямую с собеседованием. Умно порассуждал о достоинствах и недостатках Театра на Таганке, поделился недавними впечатлениями, почерпнутыми в любимом театре «Сфера», и аргументированно объяснил, почему горьковские «Дачники» лучше булгаковских «Дней Турбиных» (пьесы для сравнения не сам выбирал – предложили).

Как и выходило по рассказам Лешки, самый коварный вопрос был задан «под занавес».

– Скажите пожалуйста, а почему вы хотите стать актером? – с хитрованским прищуром поинтересовался профессор Любятинский, на курс к которому метил Дима. – Ведь есть же и другие профессии... Например – инженер. Почему вы не хотите быть инженером?

– Актер имеет возможность жить не только своей жизнью, но и жизнями своих героев, – ответил Дима. – Жизнь от этого становится ярче и интереснее.

– Значит, вы хотите жить ярко и интересно? – Любятинский посмотрел в потолок и задумчиво пожевал губами. – Хм! Ну, посмотрим, что из этого выйдет.

«Принят!» сверкнуло молнией в голове. От радости Дима чуть не свалился со стула на пол – вот бы был конфуз! Но ничего, моментально взял себя в руки, поблагодарил за уделенное внимание и ушел проводить в жизнь свой план, над которым ломал голову с экзамена по мастерству.

В принципе, познакомиться с понравившейся девушкой несложно. Можно просто подойти и сказать: «Привет! Меня Димой зовут, а тебя как?». В большинстве случаев такой вариант прокатывает, но он же такой шаблонный, а для актера шаблон хуже сифилиса, как сказал Станиславский. Или не Станиславский, а кто-то другой, это неважно. Важно то, что шаблонных подходов нужно избегать. Знакомство должно быть элегантным, изящным, нестандартным, чтобы Принцесса сразу поняла, что Дима – не такой, как другие. С этого понимания обычно и начинается любовь.

Дождавшись, пока вышедшая из зала Принцесса ответит на вопросы «ну как?» и «о чем говорили», Дима подошел к ней и сказал:

– Судьба связала нас. Вопрос лишь в том – надолго ль?

Фраза, стилизованная «под классику», имела глубокий смысл, который Дима охотно бы разъяснил. «Судьба связала нас» – это про то, что мы, кажется, будем учиться вместе, а «Вопрос лишь в том – надолго ль?» – намек на серьезные чувства. Дима сразу понял, что чувства у него самые, что ни на есть, серьезные.

Принцесса удивила и порадовала. Вместо того, чтобы хлопать своими замечательными ресницами под недоуменное: «Что-что?», с лету подхватила реплику и ответила в том же стиле:

– Возможно, что на год, а может – на четыре, загадывать нельзя в прекрасном нашем мире.

Теперь настал Димин черед хлопать ресницами. Насладившись его ошарашенным видом, Принцесса рассмеялась и протянула руку.

– Меня Ларисой зовут.

– Д-дмитрий, – представился Дима, впервые в жизни запнувшись на собственном имени.

Рукопожатие у Принцессы Ларисы было крепким, мужским. Волевая девушка, не рохля какая-нибудь.

Под кофе и мороженое познакомились поближе, нашли кое-какие общие интересы и выяснили, что оба – первопроходцы на актерском поприще. Родители Димы были бухгалтерами, а мать Ларисы преподавала в школе английский язык. Про отца Лариса ничего не сказала, а Дима с вопросами лезть не стал – и так ясно, что тот «сошел с орбиты». Из кафе пошли неспешным шагом к «Арбатской», а потом, не сговариваясь свернули на бульвар и дошли до Пушкинской площади. Дима хотел проводить Ларису до дома, но она эту идею не поддержала, сказав, что живет на краю света, в Алтуфьево. Дима готов был провожать ее хоть до Твери, но побоялся показаться навязчивым. Навязчивость – страшное дело, она никогда не помогает, а только все портит. Потому и звонить на следующий день не стал, а выдержал недельную паузу (как только смог!) и позвонил не просто так, а пригласил на выступление своей любимой группы «Штабной чердак» в клубе «Шестнадцать пудов». Было очень приятно, что Лариса приняла приглашение сразу же, не стала набивать себе цену, изображая великую занятость. Да и вообще вечер получился приятным, а поскольку в клубе засиделись допоздна, Лариса разрешила проводить ее до дома, девятиэтажки на Илимской улице. Заодно Дима познакомился с Ларисиной мамой, которая в полночь вывела погулять третьего члена семьи – мопса по имени Батыр. Мама Диме понравилась, а мопс – не очень, потому что все время норовил схватить зубами за штанину и грозно рычал. Мелочь – а с характером!

Первого сентября встретились в институте как старые знакомые. Сели рядом, да и вообще старались держаться вместе, отчего однокурсники сначала приняли их за пару.

– Мы не пара, а напарники, – пошутила Лариса.

Прозвище «Напарник» намертво прилипло к Диме, но он не расстраивался, ведь Самая Замечательная Девушка В Мире не каждого назовет своим напарником.

Обычно природа отвесит чего-то с лихвой, а на другое поскупится. Красавицы часто оказываются злюками или дурами, а умные и добрые девушки не очень-то привлекательны. Но Ларисе природа всего дала щедро – и красоты, и ума, и доброты. Когда у Аньки Бобринской дома сложилась тяжелая ситуация – конфликт с отчимом перешел в состояние открытой войны, Лариса пригласила ее пожить у себя «сколько надо». Ну, да – тесновато вдвоем в малогабаритной «двушке», но надо же помочь человеку. Дима даже пожалел, что у него с родителями хорошие отношения, а то бы... Нет, мужчину Лариса, наверное, пожить не пригласила бы. Хотя, кто ее знает?

Первую удочку Дима закинул незадолго до Нового года – улучил подходящий момент и признался Ларисе в любви.

– Димочка, ты замечательный! – ответила Лариса. – Может, даже, самый замечательный! Но не рано ли нам говорить о серьезном?

Дима не стал развивать тему дальше, хотя и очень хотелось.

– Ну ты клоун! – сказал Лешка, с которым Дима по-свойски поделился своим горем. – Хоть бы поцеловать сначала попробовал, что ли, за руку б подержал, по попке б погладил... А то так сразу – я тебя люблю! Может, она думает, что ты импотент?

– Не думает! – зло отрезал Дима, с трудом сдерживая желание дать Лешке в морду за его «по попке б погладил»; он вообще понимает, что речь идет о высоких материях?

Дима был не против близости, более того – он ее страстно жаждал, но... Но как бы это объяснить?... Жаждал, но понимал, что инициативу проявлять не стоит, это могло все испортить и он уже не был бы «замечательным» для Самой Замечательной Девушки В Мире.

Как говорится – не было счастья, да несчастье помогло. На втором курсе скоростно скончалась Ларисина мама. Произошло это восьмого марта, около полудня. Мама наклонилась для того, чтобы вытащить из духовки пирог, испеченный для праздничного стола, и упала на пол – оторвавшийся тромб закупорил важный мозговой сосуд. Дима явился весь такой празд-

ничный, с букетом да подарками, и в дверях столкнулся с выходящими из квартиры «скориками». Ну что за люди? Оставили Ларису дома вместе с мертвой матерью: «Мы покойников не возим, этим труповозка занимается». Тоже мне, гуманисты, хорошо еще, что Дима вовремя подоспел и соседка оказалась с понятием – увела к себе упиравшуюся Ларису на то время, пока Дима ждал труповозку и общался с похоронными агентами, названивавшими один за другим.

Во время похорон Лариса как-то держалась, только нижнюю губу искусала в кровь, а во время поминок, устроенных дома для узкого круга (три подруги, две соседки, да двоюродная тетка) с ней случилась истерика – сначала колотила кулаками по столу, а потом долго рыдала в голос. В общем, Диме пришлось остаться на ночь. Остаться без всяких задних мыслей, просто чисто по-человечески не хотелось оставлять Ларису одну в таком состоянии. Уложив ее в постель, он посидел рядом до тех пор, пока она не заснула, а потом ушел в гостиную и прикорнул на диване. Батыр, с которым Дима уже давно подружился, устроился у него в ногах, хотя обычно спал на матрасе в углу – то ли расположение свое выказывал, то ли собрался присматривать за гостем, который раньше никогда не оставался ночевать.

Заснуть так и не удалось – Дима лежал сначала с закрытыми, а потом с открытыми глазами и думал о жизни, главным образом о том, как теперь будет жить Лариса. На рассвете за стеной послышались всхлипы. Дима поспешил к Ларисе, та лежала, уткнувшись лицом в подушку и плакала. Дима присел на край кровати и начал молча гладить «напарницу» по спине, молча, потому что слов не находилось. Ну что тут скажешь? «Все будет хорошо?». Не будет, потому что мама уже не воскреснет. «Не убивайся ты так?». А как тут не убиваться? «Поплачь, поплачь тебе легче будет...» – это вообще какая-то запредельная пошлость.

Спустя какое-то время, пять минут или час, Лариса перестала рыдать, перевернулась на спину, посмотрела на Диму так, будто видела его в первый раз, а затем вдруг села рывком, обняла Диму обеими руками за шею, и сказала:

– У меня теперь кроме тебя никого больше нет!

Димино сердце заныло от радости и от той боли, которая прозвучала в Ларисиним голосе.

– У тебя еще есть Батыр, – сказал он и тут же осекся, поняв, что ляпнул глупость – собака, конечно, друг человека, но вряд ли ее стоит сравнивать с человеком в подобной ситуации, слова прозвучали фальшиво, а мэтр Любятинский уже успел выработать у своих учеников обостренное чувство фальши, без которого, по его мнению, актер состояться не мог.

– У меня теперь кроме тебя никого больше нет! – повторила Лариса и начала лихорадочно целовать Диму, сначала в щеки и лоб, а затем наткнулась своими губами на его губы.

Дима не помнил, как они оказались голыми в постели, только помнил, что инициатива принадлежала Ларисе. Сказать, что ему было хорошо, означало не сказать ничего. Весь прежний опыт оказался перечеркнутым – с одноклассницей Ирой Бабичевой и Оксаной из волейбольной секции все было совсем не так, как сейчас. Даже сравнивать нечего, потому что нельзя сравнивать Счастье с большой буквы и обычное удовольствие.

Дима очень боялся, что после Лариса скажет что-то вроде: «Ой, не знаю, что на меня нашло. Давай забудем», но этого не произошло. Ничего забывать не пришлось, просто отношения перешли на новую стадию. Разумеется, Дима сразу же сделал Ларисе предложение... Ну, не совсем сразу, а по прошествии сорока дней, потому что раньше было бы несообразно и неделикатно. «Расстарался на всю катушку», как сказал бы Любятинский – пригласил в ресторан, где имелись отдельные кабинеты (на виду у жующей публики действовать не хотелось), попросил официанта принести свечи, потому что с ними было романтичнее, произнес тост за «звездочку, озарившую мою жизнь» и преподнес Ларисе свое сердце, символом которого стало лежащее на ладони кольцо.

– Димыч, ты чудо! – восхитилась Лариса. – Но мне кажется, что ты слишком торопишь события...

– Почему? – удивился Дима. – Мы давно знакомы и любим друг друга!

– Все так, – кивнула «напарница». – Но я придаю браку очень серьезное значение и пока что для него не созрела. Да и что вообще может изменить штамп в паспорте?

Вот и попробуй понять этих женщин. С одной стороны – «я придаю браку очень серьезное значение», а с другой «что вообще может изменить штамп в паспорте?».

– Кольцо хоть возьми, – попросил Дима. – Считай, что это просто подарок...

Кольцо Лариса взяла и носила на среднем пальце правой руки. Когда кто-то восхищался (кольцо того стоило – нити белого и желтого золота сплетались в оригинальный узор, подчеркнутый овальным брюликом), Лариса с удовольствием сообщала:

– Это Димыч мне подарил!

Диме было очень приятно.

От предложения жить вместе Лариса тоже отказалась.

– Так из нашей жизни половина романтики уйдет! – сказала она. – Вместо свиданий будут совместные выходы, а это совсем не одно и то же. К тому же мне иногда хочется побыть одной, просто так, без причины, а тебя это может обидеть... Нет, давай оставим все так, как есть. Нам же хорошо, правда?

В целом, конечно, было хорошо, но Диме хотелось, чтобы было еще лучше. Однако ничего не поделаешь – пришлось ждать.

На третьем курсе Ларисе улыбнулось актерское счастье. Режиссер Федорчук (сам Федорчук!) предложил ей роль в «полном метре». Эпизод, ясное дело, но содержательный – Лариса должна была сыграть попутчицу, с которой главная героиня в поезде делится наболевшим-сокровенным. Можно сказать – ключевой эпизод, потому что после этой исповеди главная героиня решает кардинально изменить свою жизнь, а Лариса не просто слушает, но и дает оценку услышанному, очень глубокую для двадцатилетней студентки химико-технологического университета. Короче говоря, не роль, а мечта дебютантки. Дима радовался этой удаче больше Ларисы, ведь за близкого человека радуешься всегда больше, чем за себя самого.

– А вдруг я не потяну? – сомневалась Лариса. – Федорчук же такой требовательный... И такой резкий – звезду может на хрен послать со съемок, если ему что-то не понравится...

– Все ему понравится, – успокаивал Дима. – Всем все понравится, потому что ты очень талантливая. Недаром же Любятинский тебя «примой» называет.

– Но то – Любятинский, – вздыхала Лариса. – Он тако-о-ой добрый и практически родной человек. Никакого сравнения с Федорчуком! Знаешь, что он Яне Чуковской на съемках «Влечения» сказал? «Сиськи есть – ума не надо!». Если он мне такое скажет, я в реку с Бородинского моста брошусь! Честное слово!

Мандраж – это обычное состояние актера перед новой ролью. Хорошего актера. Кто не мандражирует, тот не сможет наполнить роль содержанием, потому что это происходит через эмоции. Дима внушал любимой, что она справится, что Федорчук впечатлится настолько, что в следующей картине даст ей главную роль, что с моста бросаться не нужно и, вообще, надо держать хвост пистолетом. Если бы знал, чем все обернется, то отговорил бы сниматься у Федорчука, вот точно бы отговорил!

Сыграла Лариса хорошо. Настолько хорошо, что Федорчук на постпремьерном банкете назвал ее «открытием текущего года», а заслужить у него похвалу было ой как трудно. Да и сама Лариса осталась довольна и своей игрой, и тем, как она выглядела на экране. И все бы хорошо, но...

Но во время съемок на Ларису запал маститый актер Шахлунский, игравший нечуткого мужа главной героини, от которого она в конечном итоге уходит к чуткому и любящему ее мужчине. Несмотря на свой «без малого полтос» Шахлунский выглядел неплохо – стройный подтянутый красавец с роскошной шевелюрой, слегка тронутой на висках сединой. В актерской среде Шахлунского прозвали «Мишкой-шалунишкой» за его великую любвеобильность – этот похотливый сатир не пропускал ни одной мало-мальски симпатичной женщины. Ну а такая

красавица как Лариса сразила его наповал. Настолько, что, едва оклемавшись после весьма бурного, если не сказать – скандального, третьего развода, Шахлунский решил жениться в четвертый раз. На Ларисе.

Когда Дима услышал от любимой, что у нее с Шахлунским «все серьезно», то впал в натуральное бешенство.

– Да ты вообще понимаешь, что происходит?! – орал он, не обращая внимания на то, что дело было на людях, посреди Тверского бульвара. – Зачем тебе этот старик?! Ты думаешь, что он тебя любит?! Как бы не так! Он только себя любит, эгоист хренов! Ты для него ничего не значишь! Так – еще один пунктик в длинном списке... Это сейчас он выглядит более-менее, а через десять лет из него песок сыпаться начнет!

– Простите, мы репетируем, – сказала Лариса подошедшему патрулю и продемонстрировала раскрытый студенческий билет. – Мой напарник немного увлекся, с ним это случается.

Патрульные переглянулись и пошли дальше.

– Зачем ты меня позоришь? – прошипела Лариса. – Я хотела поговорить с тобой по-хорошему, как с другом...

– Ну как тут может быть «по-хорошему»? – спросил Дима, переключившись в тихий режим. – Что тут может быть «по-хорошему»? Неужели ты можешь вот так, с ходу, взять и растоптать нашу любовь? Как так можно?

– Давай присядем, – предложила Лариса, беря Диму под руку. – А то стоим на проходе, как два столба...

Они присели на ближайшую скамейку.

– Во-первых, я ничего не топчу, – начала Лариса. – Я очень дорожу нашими отношениями...

Дима иронично хмыкнул.

– Да, дорожу! – с нажимом повторила Лариса. – Если случилось так, что я полюбила другого мужчину, то это еще не означает, что мы не можем остаться друзьями.

– Может еще в шаферы меня пригласишь? – ехидно поинтересовался Дима.

– Это навряд ли, – усмехнулась Лариса. – Но если у нас с Мишей дело дойдет до свадьбы, то я буду очень рада видеть тебя среди гостей.

Дима снова хмыкнул.

– Димыч, ну так получилось, – мягко сказала Лариса. – Сердцу, как говорится, не прикажешь... Я понимаю, что ты на меня обиделся. Но если у тебя сохранилась хоть капелька любви ко мне, то пойми меня и не вини. Любовь – это не преступление, а высшее счастье.

– Капелька? – переспросил Дима. – Да у меня тут, – он что было силы стукнул себя кулаком в грудь, – целый океан любви. Ты для меня – все! Но я не какой-то рабовладелец и тиран. Я способен понять, что ты можешь полюбить другого мужчину. Мне, конечно, обидно, что ты полюбила другого, но в сто раз обиднее, что этот другой старше тебя на тридцать лет! Ты же ему в дочери годишься, старому козлу!

– Ну и что с того? – пожала плечами Лариса. – Когда любят, не обращают внимание на прочие обстоятельства. Мне с Мишей хорошо и ему со мной тоже. Да и форма у него на уровне, многим молодым сто очков вперед даст!

– Даст! – передразнил Дима. – После виагры...

– С тобой совершенно невозможно разговаривать! – возмутилась Лариса. – Я пытаюсь объясниться, пытаюсь сохранить нашу дружбу, а ты несешь какую-то хрень! Тебе не стыдно, Димыч? Мне кажется, что ты просто завидуешь Михаилу, завидуешь его успешности и тому, что я его люблю.

– Любовь зла – полюбишь и козла! – прокомментировал Дима.

– Вот на этой бравурной ноте мы и закончим, – спокойно сказала Лариса и сдернула с пальца кольцо, подаренное Димой. – Будем считать, что отныне мы не знакомы, – она положила кольцо на перекладину скамейки рядом с Димой. – Так лучше для всех.

Лариса встала и быстрым шагом пошла по направлению к Пушкинской площади. Дима тоже встал и медленно побрел в другую сторону. Кольцо осталось лежать на скамейке...

В институте оба старательно игнорировали друг друга, что вызывало у одних однокурсников сочувствие, а у других – насмешки, но после того, как Дима пригрозил начистить рыло самому активному насмешнику, шуточки прекратились. В конце апреля Лариса объявила о свадьбе, которая должна была состояться первого июня, и раздала всем, кроме Димы приглашения. Дима собрался с духом и попытался еще раз объяснить ей, какую ошибку она совершает, но Лариса демонстративно зажала уши ладонями и глаза тоже зажмурила, чтобы ненароком ничего по губам не прочесть.

Пребывая в полнейшем смятении чувств, Дима обратился за советом к Лешке, все равно больше не к кому было.

– Свадьбы допускать нельзя! – категорично сказал «гражданский зять». – Не можешь сам с ней объясниться, найди того, кто сможет помочь.

– Тут только мама ее могла бы помочь, наверное, но она умерла в про... – Дима оборвал себя на полуслове, сверкнул глазами и радостно воскликнул: – Лешка, ты гений!

Димин сосед Владик Сарычев, которого родной отец начал приобщать к покорению гор с двенадцатилетнего возраста, после школы выучился на промышленного альпиниста и теперь заколачивал неплохие деньги на помывке окон и фасадов высотных зданий. Владик был добрым отзывчивым парнем и уговорить его оказалось куда проще, чем отговорить Ларису от выхода замуж за Шахлунского. Правда, некоторое сопротивление преодолеть все же пришлось.

– Если ты ёбн...шься, то меня посадят! – сказал Владик, выслушав горькую историю Диминой любви.

– Как я могу ёбн...ться, если ты меня всему научишь и будешь подстраховывать? – возразил Дима. – Все будет хорошо, и никто ничего не узнает, потому что это дельце мы обтяпаем ночью.

– Ладно, – решился Владик. – Была не была! Но ты, Димка, будешь мне крупно должен.

– По гроб жизни! – кивнул Дима. – Ты только выручи, мне ведь больше не к кому обратиться. Но быстро – время не терпит.

Наука оказалась несложной. Надел «корсет» (так Владик называл обвязку), разобрался с веревками, проверил страховочное устройство – и давай действуй. Задача облегчалась тем, что Лариса жила на последнем девятом этаже, близко от крыши. Сложнее всего было придумать нужную подсветку для лица, чтобы оно словно бы светилось изнутри. Эта задача была решена с помощью трех миниатюрных фонариков, которые Дима спрятал в парике. Искусством грима Дима за время учебы в Шуке овладел так, что хоть в Малый театр гримером поступай... Как говорится, на гримера надейся, а сам тоже умей чичи ваксить.

С субботы, двадцать пятого мая, Дима и Владик заступили на боевое дежурство. Повезло – в первый же день Лариса оказалась дома, причем одна, потому что светилось только окно на кухне, где она любила сидеть с ноутбуком уютно устроившись на широченном подоконнике, легким движением руки превращавшимся в стол (только откидную панель поднять и ножку под нее поставить).

Читатели с развитым воображением могут попытаться представить, какие чувства испытала Лариса, когда перед ней из воздуха вдруг материализовалась покойная матушка, одетая в длинную белую рубаху, замечательно скрывавшую альпинистское снаряжение. Бледное лицо матушки светилось неземным светом. Строго посмотрев на дочь, она несколько раз отрицательно покачала головой и сказала неслышно, но Лариса прочла все по губам:

– Не выходи за Михаила, доченька, с ним ты будешь несчастна...

В приемном покое первой психиатрической больницы любят вспоминать артистку Азарицкую, ту самую, снимавшуюся у Федорчука, которую погружение в систему Станиславского довело до того, что ей ночью за окном привиделась мать, умершая годом раньше. Добрым медикам невдомек, что в Театральном институте имени Бориса Щукина, при всем уважении к системе Станиславского, доминируют принципы Вахтанговской режиссерской школы, в которой упор делается на гротеск и яркость действия. Собственно, действие, разыгранное Димой для Ларисы, было типично вахтанговским, так что свела Ларису с ума система Вахтангова, а не Станиславского.

В тактическом смысле Дима добился желаемого – Лариса не вышла замуж за Шахлунского, а в стратегическом смысле проиграл, потому что Лариса вообще не собирается выходить замуж, ни за кого. Без таблеток ей теперь настолько плохо, что совсем не до замужества, а с ними настолько хорошо, что о замужестве и думать не хочется.

* * *

Мораль сей притчи такова: планируя, думай о возможных последствиях и о худших-неблагоприятных думай в первую очередь.

Как-то так.

Притча вторая Ошибка в объекте

*«Завеса наконец с очей моих упала,
И я коварницу Дориду разгадал!
Ах! если б прежде я изменницу узнал,
Тогда бы менее душа моя страдала,
Тогда б я слез не проливал!
Но мог ли я иметь сомненье!»*

Александр Сергеевич Пушкин, «Заблуждение»

Судьбоносные знакомства чаще всего оказываются случайными... Или случайные знакомства чаще всего оказываются судьбоносными? Впрочем, это неважно. Важно то, что однажды в четверг внезапно хлынувший дождь загнал Екатерину в Третьяковку, где шла выставка акварелей Александра Иванова, знакомого ей только по картине «Явление Христа народу». В зале Екатерина пристроилась к экскурсии, которую проводил высокий красавец, сильно напоминавший Сергея Есенина, ее любимого поэта. Пусть выпендренные снобы зачитываются Бродским или Джойсом, и слушают Штокхаузена – Екатерина предпочитала не модное-изысканное, а хорошее, бравшее за душу. «Время года – зима, на границах спокойствие. Сны переполнены чем-то замужним, как вязким вареньем. И глаза праотца наблюдают за дрожью блесны, торжествующей втуне победу над шучьим веленьем...».¹ Ну что это за стихи? Заумные и вязкие, да – вязкие! Не как варенье, а скорее, как патока, влипнешь – не отмоешься. То ли дело: «Золото холодное луны, запах олеандра и левкоя. Хорошо бродить среди покоя голубой и ласковой страны...».² Совсем другой коленкор!

Рассказывал «Есенин» так хорошо, что просто лучше некуда – неторопливо, красиво, с множеством интересных подробностей... Екатерина слушала, раскрыв рот. «Явление Христа народу», конечно, замечательная картина, но она и подумать не могла, что над этим своим шедевром художник работал целых двадцать лет! Уму непостижимо! Вот это перфекционизм! И оказывается, у Иванова был свой Сальери – Михаил Боткин (Екатерина из Боткиных знала только доктора, в честь которого назвали гепатит А). Если часом раньше она злилась на нектати хлынувший ливень – только три километра из пяти успела пройти! – то теперь была готова благословлять его. После экскурсии она подошла к «Есенину», выразила ему свое восхищение и спросила, сколько она, присоединившаяся к группе случайно-спонтанно, должна заплатить.

– Достаточно будет чашечки кофе, – ответил «Есенин», которого звали Игорем Васильевичем, как другого любимого поэта Екатерины. – Здесь неподалеку, на набережной, есть одно уютное кафе...

И смотрел он при этом так, что у Екатерины сладко потянуло в низу живота и сердце забилось часто-часто. Ах, какой мужчина! Муж Екатерины, за которого она вышла замуж в восемнадцать лет по залету да по глупости, тоже был симпатичным и видным мужчиной, но очень уж приземленным – лучшим зрелищем считал футбол, читал исключительно «настоящие мужские» детективы, а из художников знал только Васю Ложкина. И в любви, чего уж скрывать, он был таким же скучным, как и в жизни... С другой стороны, человек хороший,

¹ Иосиф Бродский, «Время года – зима...».

² Сергей Есенин, «Золото холодное луны...».

привычный, знакомый до последнего штришка, должность неплохая – замначальника следственного управления окружного УВД, да и детей двое... Короче говоря, кардинальных перемен Екатерине совершенно не хотелось, но немного разнообразить свою пресноватую жизнь она была бы не прочь. Да и вообще она любила заводить новые знакомства, особенно – с содержательными и симпатичными людьми.

В кафе Игорь Васильевич, оказавшийся не просто экскурсоводом, а известным историком, специализировавшимся на русской живописи девятнадцатого века, рассказывал о своем новом проекте, посвященном незаслуженно забытым художникам – двадцать две передачи на канале «Культура». Рассказывал приятно, не хвастался, а делился задумками и даже спросил, кого лучше поставить вторым – Фелицина или Богданова? Екатерина и понятия не имела, о ком идет речь, но нельзя же было показывать себя полной не невеждой, так что пришлось призадуматься, поиграть бровями, которые очень удачно привела в порядок накануне, вместе с руками, и сказать, что Фелицын, пожалуй, будет уместнее.

– Вот я тоже так думаю! – обрадовался Игорь Васильевич, к тому моменту уже успевший превратиться в просто Игоря. – Вообще-то у меня тридцать кандидатур имеется, но передач будет только двадцать две, вот и приходится кроить буквально по живому...

Полтора часовые посиделки закончились желанием продолжить знакомство. Обменялись телефонными номерами, Игорь пообещал позвонить на днях, а Екатерина ответила, что будет ждать. По возвращении домой она накачала в телефон две дюжины книг по истории отечественной живописи, практически все, что нашлось на «Литресе» из доступного пониманию. Заодно и отругала себя за то, что совершенно не занимается воспитанием детей. Ирочке уже десять, с ней можно и в галереи ходить, и в филармонию, а Вите пока что можно какие-нибудь образовательные фильмы об искусстве подобрать, чтобы маленький человечек знал, что есть в мире вещи и попрекраснее мультяшек про Лунтика.

– Что-то ты сегодня какая-то не такая, – сказал муж, неожиданно приехавший с работы очень рано, к ужину. – Прямо вся светишься... Весы порадовали?

Подначки по поводу ее стремления не расплываться квашней Екатерину изрядно бесили – вот зачем? – но сегодня она улыбнулась и ответила:

– Крупно порадовали!

Игорь позвонил на следующий день, около полудня, Екатерина даже не успела как следует истомиться в ожидании. Пригласил прогуляться, благо погода была замечательной – ни облачка на небе. Ходить по улицам в центре Екатерине совершенно не улыбалось – вдруг кто-то из знакомых увидит и расскажет мужу? – поэтому она предложила погулять в парке Свиблоро. И место приятное, и от дома очень далеко, вряд ли кого можно будет встретить, а при желании можно посидеть в одном хорошем заведении на Сельскохозяйственной улице, которое она случайно открыла для себя в прошлом году, когда подруга Марьяна, человек из категории «шило в попе», затащила ее сюда на квиз. Игорь охотно принял предложение, сказав, что тенистые аллеи гораздо лучше пыльных улиц. По тону его голоса Екатерина как-то интуитивно почувствовала, что ему тоже не хочется излишней публичности.

Предопределенное случилось (именно – случилось, а не произошло!) в одном из уединенных уголков парка, совершенно неожиданно для обоих. Взялись за руки, поцеловались, а минутой позже уже катались по траве «любви отдавшись без остатка, в порыве страсти роковой».³ Екатерина, всегда запиравшая спальню на замок перед тем, как отдаться мужу – а вдруг дети случайно зайдут? – сама себе удивлялась, потому что мысль о том, что кто-то мог их увидеть, пришла только после того, как с помощью Игоря блузка и джинсы были отряхнуты от сора. Наваждение, истинное наваждение, как в романах Миранды-Мирабеллы Фохт, которыми зачитывалась Екатерина. Миранда-Мирабелла писала без особых изысков, но так искренне,

³ Елена Кожунова, «Жестокий романс».

что сердце буквально трепетало. Прочитав очередную «Роковую страсть», Екатерина мечтала о том, чтобы в ее жизни произошло бы что-то подобное, яркое, вулканическое, взрывное. И вот – дождалась!

– Ты, наверное, считаешь меня подлецом, – сказал Игорь, когда они отдыхали на скамейке у пруда. – Мне очень стыдно...

На разговоры не было сил. Еще бы, после трех «взлетов в стратосферу» подряд, поэтому Екатерина просто поднесла ладонь к его губам, что чуть было не спровоцировало продолжение, но вокруг былолюдно, так что пришлось высвободиться из объятий и погрозить Игорю пальцем – не время здесь и не место. Было так хорошо, что впору помереть от счастья – с мужем Екатерина никогда не испытывала ничего подобного, даже наполовину, а ведь считала себя искушенной женщиной, прошедшей огонь, воду и медные трубы. Медные трубы сейчас трубили в душе: «ту-ту-ту-ту, та-та-та-та, как хорошо на свете жить, когда есть, кого любить!».

– Мне очень стыдно, – повторил Игорь. – Ты, наверное, рассчитываешь на что-то серьезное, но у меня обстоятельства...

– Я не на что не рассчитываю, – ответила Екатерина, глядя в бирюзовое небо. – Просто хочу быть рядом с тобой, и все. Мне никогда еще не было так хорошо...

Обстоятельства у Игоря были самые обычные, не раз слышанные Екатериной от подруг – больная жена, для которой развод мог бы стать непереносимым ударом. Екатерина не раз иронизировала по этому поводу – ну как-же, как-же, верь ему больше! – но Игорю поверила сразу, потому что ему невозможно было не поверить, они настолько совпали, что чувствовали друг друга на ментально-бессознательном уровне. Да и у нее тоже были обстоятельства, муж-подполковник и двое детей. Так что все сложилось наилучшим образом – феерическая радость без каких-либо ожиданий и обязательств.

Радость была именно что феерической – волшебной, сказочной, необыкновенной... Секс – это только полдела, даже если он невероятный, другую половину обеспечивает общение, родство душ, созвучность интересов. До уровня Игоря Екатерина не дотягивала – куда уж нам до заоблачных высот! – но всячески старалась соответствовать, тянулась изо всех сил и, надо сказать, довольно успешно. Уже на третьем месяце знакомства могла свободно и грамотно сравнивать Васнецова с Суриковым, или, скажем, Серова с Репиным. Любовь творит чудеса. Подруга Полина, влюбившись в китайского дипломата, за полгода освоила невероятно сложный для русского человека китайский язык, а Екатерина серьезно погрузилась в русскую живопись. Настолько серьезно, что, когда на дне рождения мужа одна из его коллег (та еще выдра, из тощих, но ушлых), начала восторгаться «Черным квадратом» Малевича, Екатерина аргументированно доказала ей, что «Квадрат» – это голимая конъюнктурщина, не имеющая ничего общего с высоким искусством. Мымра попробовала было рыпаться, но быстро спеклась под напором аргументов – знай наших и против них не суйся!

– А ты у меня – о-го-го! – сказал муж, помогая загружать посудомойку после ухода гостей. – Где только всего этого набралась?

– Из книжек, – усмехнулась Екатерина. – Знаешь, Витя, кроме Колычева и Чейза, есть другая литература... А кроме футбола есть еще и театр. Мы с Ирочкой в следующую пятницу идем на «Над пропастью во ржи» в театр Ермоловой. Присоединишься?

– Да навряд ли, – муж старательно изобразил на лице сожаление. – У нас же по пятницам подведение итогов, раньше полуночи и не жди.

Екатерина прекрасно знала, как и где подводятся эти итоги, но от комментариев удержалась. Да и вообще предложение присоединиться было всего лишь щелчком по носу – цени, какая у тебя жена и радуйся своему счастью!

Угрызений совести по поводу своей измены Екатерина не испытывала. Ну вот нисколько, даже самую малость... А какие вообще могут быть угрызения, если она пытается получить на стороне то, чего ей не может дать муж, и делает это со всеми деликатными предосто-

рожностями (ну, разве что за исключением, того первого трехактного соития, обрушившегося на обоих подобно тому благословенному ливню, который загнал Екатерину в Третьяковку). Кому от этого плохо? Никому! Она счастлива и это ее счастье делает семейную атмосферу благостно-приятной. Муж вообще пребывает на седьмом небе, удивляясь тому, как неожиданно обрушился на него второй медовый месяц и незачем ему знать, кого представляет жена во время любовных забав. Дети активно приобщаются к искусству вместе с матерью, Витя уже знает, что на обертке конфет «Мишка косолапый» изображен фрагмент картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», а Ирочка подготовила в школе доклад о творчестве Левитана, от которого классная руководительница, женщина недалекая и ограниченная, пришла в бурный восторг. Теперь Ирочка пишет работу о Кипренском на городской конкурс. Дочь счастлива донельзя, а мать – так тройне.

Но все хорошо, не бывает, что-то непременно выйдет нехорошо, это аксиома. Проблема влюбленных заключалась в месте для встреч. Первого «природного» опыта они, по понятным причинам, больше не повторяли – стремно, да и неловко как-то, чай не подростки, чтобы по кустам сношаться. Отели для свиданий не подходили обоим. Игорь был слишком известной личностью для того, чтобы светить там свой паспорт, а Екатерину при мысли о том, что она может где-то оставить след, по которому ее муж, сыщик от Бога, распутает весь клубочек, начинала бить крупная дрожь. А без паспорта, хотя бы одного, если кто не в курсе, в отели не заселиться, такие вот дела. Попробовали, было, любиться в Игоровом «Хайлаксе», но даже в просторном салоне было тесновато – стоит только забыться на секундочку, как треснешься головой о потолок или ногой о руль. Да и вообще невозможно заниматься любовью, постоянно думая о положении своего тела в пространстве. К тому же в этих «автопотрапушках», как называла их про себя Екатерина, было что-то унижительное, все равно что тайком ночью котлеты из холодильника таскать (ей это дело было очень знакомо, потому и котлеты делать перестала, чтобы искушения не испытывать). В какой-то момент показалось, что спасением могут стать номера в банях, которые можно было бронировать по номеру телефона, без каких-либо документов, если внести предоплату, но там не радовали условия. Да – с милым и в шалаше рай, и на топчане праздник, но Екатерине хотелось, чтобы первая в ее жизни настоящая любовь жила в соответствующей обстановке. Игорь в этом плане особо не заморачивался – ему хоть в машине, хоть в бане было замечательно (мужики они все, даже самые лучшие, такие примитивные), так что Екатерине пришлось брать инициативу в свои руки, которые Игорь так любил нацеловывать, впрочем, как и все остальное тоже.

Сначала она договорилась с двоюродной сестрой Вероникой насчет ее дачи, находившейся недалеко от Москвы в Мытищинском районе. Дача досталась кухне от рано умершего мужа, который был внуком адмирала Баруханова, заместителя министра морского флота СССР. Два этажа, десять комнат, все удобства и полгектара елового леса вокруг – если это не рай, то что тогда можно считать раем? Вероника выделила Екатерине отдельную комнату, которую та переоборудовала по своему вкусу – снимала со стен шаблонные репродукции (ужас ужасный, пошла безвкусица!), загрузила в шкаф четыре комплекта шелкового белья, на котором так славно любиться, и заменила яркие пятидесятиваттные лампы, на тусклые матовые, создающие романтический полумрак. Игорь был в таком восторге, что словами и не описать, это чувствовать надо. Вероника была своей в доску и надежной девчонкой, поэтому иногда Екатерине удавалось заночевать на даче с любимым под тем предлогом, что кухне вздумалось устроить очередную пижамную вечеринку. «Пижамы потеплее берите, чтобы сокровенные места не застудить», привычно шутил муж, но, в целом, вечеринки у него никаких подозрений не вызывали – надо же женщинам иногда оттянуться в своем кругу.

«Вечеринки» были расчудесными – сначала любовь, потом купание в протекавшей поблизости речушке, затем снова любовь, ночная жарка колбасок на мангале, сон в обнимочку с любимым (муж в объятьях засыпать не любил, говорил, что ему жарко), утренние эротиче-

ские игры, неспешный завтрак... Мысли были только об одном – как бы не умереть от такого невероятного счастья. Екатерина однажды поймала себя на мысли о том, что, если бы не дети, то можно было бы и умереть в объятиях Игоря, потому что лучшего завершения жизни и вообразить невозможно (ничего себе мысли на пороге тридцатилетия!).

Но, как известно, долго хорошо не бывает. Соседом кухни по даче был мерзопакостнейший чел, московский городской депутат с бандитским прошлым. Этому паразиту очень хотелось добавить к своим владениям участок Вероники, чтобы чувствовать себя хозяином настоящего имения. Он неоднократно подкатывался к кухне с предложением о покупке, но та не соглашалась, поскольку в уютном месте для отдыха нуждалась гораздо больше, чем в деньгах и тогда сосед поджег дом. За руку его никто не поймал, но, по свидетельству очевидцев, дом, в котором на тот момент никого не было, загорелся внезапно, среди бела дня, причем с двух сторон. С чего бы ему загореться? Явно помогли. Вероника в ярости высказала соседу все, что о нем думала, и продала участок с пожарищем каким-то джигитам, собиравшимся строить здесь загородный клуб.

– Этим орлам депутата сожрать – что два пальца об асфальт стукнуть, – сказала она, объясняя свое решение Екатерине. – У них связи просто заоблачные. Антон-гондон меня хотел выжить, пускай теперь с ними пободается!

Оно бы и хорошо, что негодяй будет наказан, но перед влюбленными снова встала унылая перспектива автомобильной любви. Екатерина не понимала, почему Игорь, при его-то заработках, не снимает квартиру для встреч, где они могли бы чувствовать себя, как дома. Однажды не выдержала и спросила.

– Ну это же будет как наполовину уход, – ответил Игорь. – Огромное искушение. А я не могу себе этого позволить. Светлана ужасно непрактичная, раньше о ней родители заботились, а сейчас – я. Да, вдобавок, она теперь инвалид...

Инвалидность супруга Игоря получила после не очень-то удачного удаления аденомы гипофиза – резко «село» зрение и появился какой-то синдром, название которого Екатерина никак не могла запомнить. Выражался он в сильных приступах головных болей, которые сопровождались учащением сердцебиения и разными другими неприятностями. Короче говоря, даже худшему врагу не пожелаешь такого. Ну да, при таких обстоятельствах съём квартиры для свиданий может казаться подготовкой к бегству, а настоящие мужчины не бросают тех, кто нуждается в их помощи. Мы в ответе за тех, кого приручили, как-то так.

– Да он тебе просто мозги пудрит! – сказала подруга Марьяна, когда Екатерина поделилась с ней наболевшим. – Ему просто денег на съём жалко или, может, не хочется тебе такие крупные авансы выдавать. А то сегодня вы просто встречаетесь, а завтра ты скажешь: «квартирка у нас есть, милый, давай жить вместе!».

– Но ты же знаешь, что я так никогда не скажу! – возмутилась Екатерина.

– Я-то знаю, – подруга многозначительно хмыкнула. – А вот знает ли он?

Екатерина махнула рукой – отстань, не нагнетай, и без тебя тошно!

– А что бы тебе у меня с твоим хахалем не встречаться? – вдруг предложила Марьяна. – У нас по будням с восьми утра до семи вечера квартира пустая, пуркуа бы и не па? Я могу вам даже постель чистым бельем застелить заранее, чтобы не пришлось время терять понапрасну...

– А тебе нормально, что мы будем этим заниматься на твоём семейном ложе? – спросила Екатерина, немного опешившая от предложения подруги.

– А что тут ненормального? – удивилась Марьяна. – Простыню после вам простирнуть? Так не я стираю, а машина. Другое дело, если бы на нашем семейном ложе мой Юрка какую-нибудь чувырлу приходовал... Тогда бы я расстроилась. А от того, что моя лучшая подруга немного порадуется на нашей кровати, мне только приятно. Катька, мы с тобой девять лет за одной партией просидели! Мне, может, обидно, что ты сразу ко мне не обратилась, а моталась

куда-то за город со своим буратиной! Если мы, школьные подружки, друг другу не поможем, то кто нам поможет?

– А вдруг Юра раньше придет...

– Не смейся! – махнула рукой Марьяна. – У него режимное предприятие. По звонку зашел – по звонку вышел. Раньше положенного он только в день выхода на пенсию может прийти, а до этого еще далеко.

Марьянин муж Юра работал в каком-то научно-исследовательском институте, разрабатывавшем приборы для космоса и армии. Юра был копией мужа Екатерины – хороший приземленный человек, надежный, но скучный. Но при этом Марьяна как-то обходилась без любовников или же заводила их так, что даже лучшей подруге ничего не было известно.

– Ну если так, то спасибо тебе огромное, – сказала Екатерина. – Ты меня реально очень выручишь, тем более что в твоей квартире я могу чувствовать себя как дома, спокойно и свободно... Вопрос только в том, как я смогу тебя отблагодарить...

– Свои люди – сочтемся! – усмехнулась Марьяна. – Мне от тебя, подруга, ничего не нужно, я просто так готова помочь, но если твой Игорь иногда будет радовать меня приглашениями на великосветские тусовки, то я буду на седьмом небе от счастья. Вы-то, небось, тусите на всю катушку?

– Нет, – покачала головой Екатерина. – Нам вдвоем приятнее, чем на людях. Но приглашения тебе будут, обтусуешься...

Если бы в тот момент кто-то посоветовал Екатерине отказаться от столь замечательного предложения, то она бы только рассмеялась – ну что за чушь? Но если бы она могла прозревать будущее (неизвестно, доступно ли это кому-нибудь?), то... Впрочем, будущее пока что было покрыто мраком, а в сумке Екатерины лежали ключи от Марьяниной квартиры на тихой улице Всеволода Вишневого в Тимирязевском районе Москвы. Невероятно, но Игорь с материнской стороны оказался дальним родственником жены Вишневого.

– Я верю в знаки и в этом усматриваю добрый знак! – торжественно сказал он, вырливая к Марьянину дому. – Вот увидишь – здесь нам будет хорошо.

– С тобой мне везде хорошо, милый, – проворковала Екатерина. – Надеюсь, что и тебе со мной тоже...

Время от времени она любила спровоцировать Игоря на романтические излияния. Приятно же, особенно с учетом того, что любимый не скупился на слова точно так же, как и на ласки. Вот и сейчас они уже лежали на семейном ложе доброй подружки, а Игорь все говорил о том, как он счастлив оттого, что в его жизни появилась такая женщина, как она... Слушать все это было очень приятно, но тело требовало своего, поэтому Екатерина обняла любимого за шею и крепко прижала его голову к своей левой груди с таким расчетом, чтобы напрягшийся сосок оказался между его губ. Игорь тотчас же понял прозрачный намек, он вообще был очень понятливым, что в постели, что вообще в жизни, и перешел от слов к делу. В предыдущие разы они любились в салоне автомобиля, так что сейчас Екатерина испытывала двойное удовольствие – и от самого процесса, и от того, что он происходил в комфортной обстановке. И что бы вот раньше не договориться с Марьяшей?

– А давай поиграем! – неожиданно для самой себя предложила Екатерина, никогда не испытывавшая интереса к постельно-ролевым играм, но тут вот что-то торкнуло. – Давай мы будем незнакомцами, которые случайно встретились в отеле и решили провести время вместе. Мы ничего не знаем друг о друге, нас ничто не связывает и через час-другой мы расстанемся навсегда...

«Через час-другой мы расстанемся навсегда», записал в свои молескины дух, ответственный за исполнение желаний.

– Давай постараемся сделать так, чтобы эта встреча запомнилась нам на всю жизнь... – развивала свою идею Екатерина.

«Чтобы эта встреча запомнилась им на всю жизнь»... Дух на секунду призадумался и отправил мысленный импульс человеку, который был избран им для исполнения желания его подопечной (и этим человеком был не Игорь, потому что духи избегают простых решений, для них это не комильфо).

Вдруг, практически как в сказке, оглушительно хлопнула металлическая входная дверь. Это произошло в тот момент, когда Игорь начал разогреваться и разогревать Екатерину после недолгого отдыха – восстанавливался он в считанные минуты, как пионер, который всегда готов.

«Что за...». Екатерина не успела додумать недоуменную мысль до конца, как неведомая сила сорвала с нее Игоря и дальше начали раздаваться какие-то непонятные звуки – плюх-ух, плюх-ух, плюх-ух...

– Я тебе покажу, как чужих жен е...ть! – раздался громовой голос. – Я тебе, сукину сыну, яйца всмятку разобью!

Когда к Екатерине вернулась способность объективно оценивать реальность, она поняла, что Марьянин муж Юра остервенело избивает ногами Игоря, скорчившегося на полу в позе эмбриона.

– Юрка!!! – взвизгнула Екатерина. – Что ты творишь?!

Не позаботившись прикрыться, она спрыгнула с кровати и что было силы толкнула Юру обеими руками так сильно, что он отлетел в угол, приложился затылком к стене и сполз на пол, но сознания при этом не потерял.

– Катюха? Это ты? – пролепетал Юра, тараща глаза. – А где Манюня?

В приемном отделении городской клинической больницы имени Иноземцева, бывшей тридцать шестой, любят вспоминать знакомого всем по «ящичку» искусствоведа Ахальцева, которому ревнивый муж, заставший его *in flagrante delicto*,⁴ сломал нос, левую ключицу, четыре ребра, копчик, обе кости правого предплечья и, что самое ужасное, разможил оба яичка. Изверга надолго упрятали за решетку, но это не могло вернуть его жертве ни мужской состоятельности, ни былого оптимизма. Был человек – и кончился.

Екатерина рассорилась с Марьяной капитально, даже волосы друг другу слегка повыдирали, выясняя, кто чью жизнь разрушил. Но на самом деле обе были не виноваты. Вина целиком и полностью лежала на Марьянином Юре, который показал себя не только злым ревнивцем, но и скупым м...ком, полюбившимся купить камеру с хорошим разрешением для слежки за своей ветреной супругой. Если бы Юра не поспешил на хороший гаджет, то понял бы, что речь идет не о вероломной супружеской измене, а о банальной дружеской услуге, с которой ему тоже причитались бы пенки, ведь при всей своей ветрености на тусовки Марьяна предпочитала ходить с законным супругом. В результате Юра не подсел бы на восьмерик, Игорь сохранил бы способность радовать женщин и радоваться общению с ними, Екатерина продолжала бы чувствовать себя счастливой, а ее муж пребывал бы в блаженном неведении относительно того, чего ему совсем не нужно было знать... Короче говоря, всем было бы хорошо. И самое грустное в этой истории то, что разница между хорошей и плохой камерой совершенно не разорительна, она составляет всего-навсего пару-тройку тысяч рублей. Положите на одну чашу весов несколько тысячных купюр, а на другую – сломанные жизни шести человек (если считать и жену Игоря, и мужа Екатерины) и подумайте о том, стоит эта ли экономия таких жертв.

Однозначно – не стоит!

⁴ «Во время совершения преступления», дословно – «в пылающем преступлении» (лат.)

* * *

Мораль сей притчи проста – не будьте крохоборами, не старайтесь сэкономить там, где это не идет на пользу. Жадность она не только фраера сгубила, но и многих хороших людей. Как-то так.

Притча третья Мальвина и Пьеро

*«Не блондинка она, и совсем не брюнетка
Нет, Мальвина особа, особенной масти.
Эй, откликнись, голубоволосая детка!
Твой несчастный Пьеро умирает от страсти...
Я на днях повстречал дурака Буратино —
Бедный мальч свихнулся на поисках кладов.
Только золото – мусор, не так ли Мальвина?
Без тебя никаких мне дублонов не надо.
Надо мною, в вышине, пролетают пингвины.
Что за чудо? А впрочем, плевал я на чудо —
Аллергический запах, цветущей рябины
Разливается около старого пруда»*

Вадим Юрьевич Степанцов, «Элегия Пьеро»

«Строгий господин, 30 лет, фантазер-идеалист, ищет свою рабыню, нежную, хрупкую, застенчивую и готовую к экспромтам. Никакой ванили – только хардкор! Опыт гарантирует безопасность. Интересы и табу обсуждаются. Не спонсор. Есть оборудованная территория для встреч. Подробности в анкете.

Пьеро»

Это только кажется, что в век интернета поиски стали легким делом и что в Сети можно найти все. Все совсем не так, вопрос в том, что ты ищешь. Но, при всей кажущейся легкости, даже любителей пресных ванильных отношений на каждом шагу подстерегают обломы, не говоря уже о тех, кому нужно нечто особенное. Расклады неутешительные – один к ста. Половина откликнувшихся будут обычными разводчицами, которые сначала продемонстрируют полную готовность и абсолютное понимание, а затем начнут грузить жалостливой историей, в которой меняются только обстоятельства, а итог всегда один – дай денег. Смерть родителей, финансовая подстава на работе, крупный проигрыш в онлайн-казино, попытка откупиться у сутенеров... Егор со временем набастрыкался так, что по первой фразе, а больше по взгляду, которым она сопровождалась, угадывал, о чем именно пойдет речь. Слушал участливо, охал-ахал и качал головой, задавал вопросы, короче говоря – изображал готовность помочь, а в конце глядел в ясные глаза разводчицы (у всех них глаза ясные и взгляд прямой, честный) и посылал ее в пешее эротическое путешествие по общеизвестному адресу. Вот реакцию на это никогда не получалось угадать. Думаешь, что собеседница молча встанет и уйдет, окинув тебя презрительным взглядом, а она недопитым кофе в тебя плеснет. Или ждешь, что она в ответ обложит тебя восьмизетажно, а она встанет, вздохнет трагически и скажет: «Теперь мне остается только под поезд броситься». А потом пойдет к дверям, медленно-медленно, изображая обреченность и осанкой, и походкой. Игры надо доигрывать до конца, иначе невкусно. Догоняешь, берешь под руку, проникновенно смотришь в глаза и говоришь, изображая смущение: «Ну, ты это... Я помогу... Да – помогу... Если сама не решишься – толкну под поезд...». Ну а что тут такого? Ты меня развести хотела, а я над тобой чуток поглумился – квиты.

Половина от оставшейся половины, иначе говоря, двадцать пять процентов от общего числа откликнувшихся, это «овчарки»-консуматорши, загоняющие простаков туда, где их обдерут до последней нитки. «Ой, давай зайдем сюда, мы здесь классно зависали с подругой...». Плавали – знаем! Зайдешь, а там ваза с фруктами двадцать косарей стоит и бутылка

дешевого шампусика столько же. Раскрутив кавалера на поляну, «овчарка» отходит «попудрить носик» и исчезает навсегда, а в дело вступают «волкодавы», требующие оплаты счета. Егор сам на такое не нарывался, но даже читать рассказы нарвавшихся было страшно. Одному бедолаге ствол к голове приставили, а затем пальнули мимо, прямо над ухом... У Егора в отношении заведений позиция была жесткая – только знакомые места по собственному выбору, иначе никак.

Десять процентов от оставшихся двадцати пяти – это малолетки, худшая из «разводящих» категорий. Здесь и статья тяжелая, и сидеть по ней несладко, так что попавшиеся выдаиваются капитально. Многого и не требуется, достаточно в щечку чмокнуть или по ноге погладить. «Попробуй, милый, какая у меня гладкая кожа...». Попробовал – и влип в неприятности!

Малолеток Егор вычислял по поведению, это единственно надежный критерий. Внешность обманчива, нынешние акселератки в четырнадцать выглядят на двадцать, но суд принимает во внимание не внешность, а дату рождения. Документы? Ай, не смешите! Она тебе и паспорт, по которому ей девятнадцать покажет, и водительские права, поддельные, ясное дело. А после, когда ты подсудные деяния совершишь, сунет под нос настоящий документ... Но поведение у малолеток, косящих под взрослых, своеобразное, полудетское, правда уловить эти нюансы может только опытный психолог.

Десять процентов от оставшихся пятнадцати – это дуры, которые сами не понимают, чего они хотят. Для них ключевым является слово «игра» и потому отношение к делу легкое, несерьезное, безответственное – это же игра-игрушки! Да – игра! Но игра серьезная, со своими правилами, которые нельзя нарушать, и обязательствами, от которых нельзя отказываться. Взрослые люди играют по-взрослому. Не хочешь соответствовать – вали на все четыре стороны. Эта категория обломщиц была наиболее хлопотной, потому что распознавалась не с первого взгляда, а в процессе. Договариваешься-объясняешь, тратишь время, тратишь деньги, распалаясь себя надеждами и в самый неподходящий момент слышишь стоп-слово. Однажды Егор не выдержал. Отвязал дуру, помог одеться, чтобы обозначить полное окончание игр, а потом завалил на колени и три раза шлепнул по тощей заднице. Смачно, шлепнул, с оттяжкой, вкладывая в шлепки все свое разочарование. Днем позже в подъезде, где он тогда снимал квартиру, появилась надпись: «Петр – маньяк и садист». Примитивные людишки мыслят примитивно – раз Пьеро, то значит Петр. Им не понять скрытого смысла, вложенного в этот псевдоним. Пьеро – ловкий слуга, со временем превратившийся в незадачливого любовника, способного только на вздохи и стенания. Егор был не слугой, а господином, в любви ему всегда сопутствовала удача (отдельные обломы с полными дурами не в счет) и по несбывшемуся он никогда не вздыхал – переступал и шагал дальше, не оглядываясь. Смак псевдонима был в его полной противоположности, в абсолютном несоответствии. Любовь к подобным псевдонимам Егор усвоил в детстве, когда зачитывался книжками про шпионов. Шпионам псевдонимы даются так, чтобы никоим образом не навести на своего владельца. Если речь идет о каком-нибудь амбале, то его назовут «Надеждой» или «Магнолией», но ни в коем случае не «Гладиатором». А какой-нибудь дамочке прилепят кличку «Альбатрос» или «Полковник». Такие вот правила. Шифроваться Егору не было смысла, потому что он всегда руководствовался правилом «СБ» – согласие и безопасность, но почему бы не соригинальничать? Пьеро всяко интереснее, чем Темный Господин или Безжалостный Лорд, умные нижние избегают связываться с такими лишенными фантазии субъектами, потому что без полета фантазии настоящего удовольствия не достичь.

Да, шифроваться Егору не было смысла, однако и демонстрировать свои пристрастия «ванильным» людям, далеким от культуры БДСМ, не стоило – не поймут, не потрудятся вникнуть в смысл, но непременно осудят. Основным осложнением в жизни Пьеро-Егора была частая смена мест жительства. До приобретения собственной жилплощади, пусть и скромной, было как пешком до Китая, так что приходилось снимать. Егор был идеальным арендатором

– аккуратным в быту и расчетах, некурящим, практически непьющим, не имевшим домашних животных и не устраивающим шумных тусовок. Иногда и случалось пошуметь, во время ночных забав, но Егор старался подыскивать квартиры в домах с хорошей звукоизоляцией и просил партнерш особо не вопить, так что с жалобами на шум по ночам ему пришлось столкнуться всего пару раз. «Ну – увлеклись и пошумели, впредь будем вести себя сдержаннее», говорил Егор, изображая всем своим видом смущение и раскаяние. Соседи-клязники, а также арендодатели, смягчались и на этом инциденты можно было считать исчерпанными. Но вот вид крестового креста, установленного рядом с кроватью, сразу же побуждал арендодателей к расторжению договора и никакие объяснения не могли их переубедить. А что такое крест? Это огромная, под потолок, конструкция из двух массивных буковых досок, обитых натуральной кожей, с такой же массивной штангой, которая служит третьей опорой (кресты, фиксирующиеся на стене, были легче и не крали пространство, но кто разрешит в сдаваемой квартире стены сверлить?). Собирать-разбирать такое по два раза на неделе не будешь – тяжело и нудно, задрапировать тоже невозможно, так что приходилось договариваться с арендодателями о том, что пока он платит за квартиру, они сюда носа не суют. Ну а на случай чего у вас залог есть, в размере двухмесячной аренды, ну и вообще я ничего портить не собираюсь, просто не люблю чужого вторжения в мою жизнь. Арендодатели соглашались – да-да, конечно-конечно, и, тем не менее, устраивали тайные проверки, за которыми следовали истерики. «Убирайтесь вон со своим борделем для извращенцев! Я вместе с вами сидеть не собираюсь!». Какой бордель? Зачем сидеть? Проклятые стереотипы...

Несколько раз Егор пробовал снимать квартиру через агентство, но это тоже не помогало, потому что агенты были такими же любопытными, как и владельцы квартир, и такими же ограниченными придурками. «Ах-ах! Мы не можем рисковать репутацией нашего агентства! Вы кого-нибудь здесь убьете, а нас потом на Петровку затаскают!». Зачем убивать? Все же делается по доброму согласию...

При съеме своего нынешнего жилья, Егор пошел на хитрость.

Во-первых, первым делом обращал внимание не на квартиру, а на хозяев. Нужна была одинокая женщина средних лет, образованная, с широким кругозором. Средний возраст – самый продуктивный для сотрудничества. Юношеский максимализм уже позади, а атеросклероз пока еще не успел сделать мышление косным. С женщинами Егору всегда легче было договориться, чем с мужчинами, особенно – с одинокими женщинами, которые более покладисты, нежели замужние, хотя принято считать наоборот. Ну а образование и кругозор располагают к пониманию чужих предпочтений.

Во-вторых, когда подходящая кандидатка была найдена, Егор сказал ей, что имеет такое оригинальное хобби, как эротическая фотография и продемонстрировал диплом, подтверждавший, что Егор Варламович Кескесов занял первое место на фотоконкурсе «Природа и люди» (вообще-то диплом дали за фотографию «Старик и море», сделанную в Гурзуфе, но об этом арендодателям знать не обязательно).

– О, да вы проказник! – игриво констатировала кандидатка.

– Художник, – мягко, но с нажимом поправил Егор. – Могу и вам фотосессию сделать в стиле «ню», бесплатно, в качестве бонуса.

– Как-нибудь позже, – кандидатка провела ладонями по тому месту, где у нее когда-то была талия. – Вот приведу себя в порядок и воспользуюсь вашим предложением.

Разумеется, на третий день после переезда хозяйка, которую звали Идой, явилась узнать, всем ли доволен ее новый жилец. Типа – ехала мимо и решила зарулить без предупреждения. Егор как раз закончил собирать крест, а вытасченный из коробок арсенал еще не успел разложить по полкам в шкафу, так что Ида увидела всю «съемочную» атрибутику. Распалилась нешуточно, видать долго сидела без сладкого – покраснела, задышала часто и смотрела призывно, но Егор угостил ее кофе и вежливо выставил за дверь. К деловым отношениям нельзя

примешивать секс, такая комбинация ни к чему хорошему не приводит, да и краснощекие «пышки» его никогда не вдохновляли, он любил субтильных дев, тонких, звонких и прозрачных.

Тайных инспекторских визитов Ида не устраивала. Во всяком случае, волосок, зажатый между дверью и косяком, всегда обнаруживался на своем месте, а через месяц Егор вообще перестал ставить «контрольку». Но как-то раз хозяйка поинтересовалась, словно бы мимоходом, нельзя ли посмотреть работы квартиранта? На это у Егора давно был заготовлен ответ. Нет, нельзя, потому что эротическая фотография – дело приватное и показывать работы можно только с согласия модели, если что, то и в отношении себя можете быть абсолютно спокойны, я ваши фотографии никому не покажу. Ида ответила, что собирается попозировать, да все никак не соберется, и на том дело закончилось. Вот что бы раньше не сообразить, как нужно все устроить, чтобы не переезжать с места на место по несколько раз в год?

«Если в одном месте наладится, то в другом – разладится», любил повторять дед Егора, всю жизнь проработавший сантехником на Карачаровском механическом заводе, недалеко от которого Егор сейчас снимал квартиру. Кстати говоря, квартира была мечтой любителя изысканных утех – пятый, последний этаж «сталинского» дома, две большие комнаты, и при этом с соседями граничат только прихожая, санузел и кухня, потому что квартира угловая. Ванная комната тоже была большой, и Кирилл оборудовал в ней полноценную «камеру пыток», она же – медицинский кабинет Злого Доктора. Недостаток был всего один – напротив стояла длинная семиэтажка, а Егор очень любил смотреть во время забав на звездное небо, это наполняло душу ощущением сопричастности к Космосу – в детстве Егор мечтал быть космонавтом, экспозицию Калужского музея космонавтики за шесть посещений изучил так подробно, что мог экскурсии водить. Но ничего, нашел выход, типичный пример сублимации – повесил в обеих комнатах черные бархатные шторы с серебряными звездами, вышло очень стильно. Альбинка, которую Егор в шутку называл «подругой дней моих суровых», пришла от штор в неопишуемый восторг.

– Егорка, какой ты классный! – восторженно простонала она. – Люблю! Люблю! Люблю!

«Люблю-люблю», а когда на отдыхе в Анталии познакомилась с каким-то местным барыгой, имевшим неосторожность сделать ей предложение, то дала Егору отставку, разрешив напоследок помучить ее по полной программе (разумеется, с соблюдением правила «СБ»). Егор не мог представить себе сорокалетнего турка без жен в анамнезе, но Альбинка, несмотря на высшее юридическое образование и четырехлетний стаж работы в отделе претензий «ГИРШ-банка», верила в сказки. Причем настолько, что допускала возможность поддержания отношений с Егором после выхода замуж – «ах, Егорка, ты будешь к нам приезжать в отпуск, у Сулимчика та-а-акой дом, ну чисто Долмабахче!». Егор объяснил ей, что после замужества, особенно если выходишь за горячего восточного мужчину, прошлое нужно оставлять в прошлом совсем и целиком. Объяснил и начал искать себе новую рабыню. Слова «нижняя» он старался не употреблять, поскольку считал его унижительным. Истинные ценители знают, что в великой БДСМ-культуре нет иерархии, есть только распределение ролей. В чем разница? В свободе выбора! Иерархия предопределена изначально. Лейтенант должен подчиняться майору, а индийский мусорщик никогда не станет писцом или ювелиром. А вот роли каждый выбирает сам, сообразно своим предпочтениям.

Поиски новой подруги растянулись на полгода, но результат стоил затраченных сил – девушка-одуванчик, милая, нежная фея, юная чаровница, только-только начавшая приобщаться к взрослым играм. Господином быть приятно, а господином и наставником – вдвойне. При этом девушка отличалась богатой фантазией и схватывала все буквально на лету, иначе говоря – импровизировала ровно настолько, чтобы внести в игру привкус новизны, но при этом никогда не выходила за рамки. Короче говоря, не подруга, а мечта, сокровище, «бриллиант яхонтовый», как выражались в старину. И при всех своих достоинствах еще и очень благодарная – порадуеться ее на копейку, а отдачи получишь на червонец. Егор не стремился к женитьбе

и вообще не собирался связывать себя узами постоянных отношений, поскольку очень ценил свободу и разнообразие, но по поводу Анечки (так звали чаровницу) в его голове несколько раз мелькали мысли о том, что, пожалуй, на такой славной девушке можно и жениться, вряд ли кого лучше удастся встретить.

Приобщать к изыскам нужно постепенно, иначе от избытка впечатлений у человека может произойти шок, за которым последует отторжение. В первую встречу Анечка призналась, что в искусстве доминанции и подчинения она совершенно несведуща, просто обычный секс кажется ей пресным, а еще привлекает идея подчинения любимому человеку...

– Любовь – это самоотдача, самопожертвование, – тараторила Анечка, внимательно следя за реакцией собеседника на ее слова. – Полное подчинение – это способ отдать себя всю, без остатка, любимому мужчине. Отдача – это путь к свободе, избавление от своего эго...

Девушка несла дику ахинею, но Егор слушал с серьезным видом и время от времени согласно кивал, но мысленно уже составлял программу приобщения. Страхуясь от очередного облома, разъяснил новой знакомой азы и дал три дня на размышление.

– Я уже все решила... – вскинулась было Анечка.

– Я сказал «три дня», значит три дня, – ледяным тоном отчеканил Егор. – И если рабыня еще раз посмеет спорить с господином, то она будет наказана. Строго наказана!

Анечка на лету срубила фишку – встала (дело было в кафе), сложила ладони перед лицом, церемонно поклонилась в пояс, а когда выпрямилась и опустила руки, пролепетала:

– Прошу моего господина простить меня...

Из-за соседних столов на них поглядывали с любопытством, некоторые усмехались, но Егору до этого не было никакого дела – игра началась.

– Постарайся больше никогда меня не разочаровывать, – сухо сказал он. – А теперь можешь сесть и доесть свой тирамису...

Вырабатывание покорности растянулось на три недели.

– Ну, когда же ты начнешь меня мучить? – ныла Анечка во время пауз в игре.

Егор терпеливо объяснял, что всему свое время и рекомендовал вместо «мучить» использовать другие слова, например – «воспитывать» или «наказывать», потому что в игре никто никого не мучает, все делается только ради удовольствия. Но Анечку просто замкнуло на этом слове, и Егор махнул рукой – вне игры рабыня может вести себя, как угодно, и господин ей не указ.

Шаг за шагом дошли до распятия на кресте и бичевания плетью (так Анечка называла флогер). Но в доме вдруг начали менять отопительную систему – и радиаторы, и трубы. Пришлось разобрать крест, превратить «камеру пыток» обратно в ванную комнату, и вообще попрыгать все интимное, чтобы не отвлекать сантехников от их ответственной работы, а то еще плохо трубы соединят и ударит в квартире фонтан кипятка. Оно и к лучшему, недаром же говорится, что после поста колбаса вкуснее. Для сохранения настоя Егор каждый вечер распивал подруге в подробностях, как он станет ее распинать и что будет делать после. Анечка млела в предвкушении. «Как же мне с тобой повезло! – мысленно восхищался Егор, глядя в ее голубые, широко распахнутые глаза, наполненные ожиданием счастья. – Ты мой суперприз!».

Большинство юных дев легкомысленны и безответственны, но Анечка была крайне ответственной и четко соблюдала все правила игры. Однажды утомленный игрой Егор сам не заметил, как заснул. Проснувшись часа через полтора, он увидел подругу, стоящую на коленях возле кровати.

– Ты что – простояла так все это время? – изумился Егор.

– Конечно, – ответила Анечка. – Ведь мой господин не сказал волшебного слова.

Волшебным словом, означавшим прекращение игры, было «Конго». Егор любил географические стоп-слова, наверное, потому, что в детстве, между космонавтом и разведчиком хотел стать путешественником, но быстро передумал, когда узнал, что на современной карте

практически не осталось «белых пятен». Егору под это дело вспомнился давно читанный рассказ о мальчике, которого товарищи во время игры поставили часовым, а после забыли о нем, и правильный мальчик продолжал стоять на посту в темноте, потому что дал честное слово. Анечка тоже была из таких правильных людей. «А ведь женюсь! – подумал Егор. – Иначе уведут!». За проявленную сознательность Анечка получила награду – личное имя, которое обычно рабыням не полагалось, для них было вполне достаточно «эй, ты!». Какое имя? Разумеется – Мальвина, как иначе могут звать подругу Пьеро?

Когда трубы были заменены и все вернулось на круги своя, Пьеро предложил Мальвине выбрать сценарий распятия. Вариантов было три – «Наказание провинившейся рабыни», «Невинная девушка в руках злодея» и «Воровка, застигнутая на месте преступления». Анечка, не раздумывая, выбрала самое вкусное – «Невинную девушку». Явилась в половине девятого вечера вся такая невинная-невинная, в скромном платье в цветочек и умилительно простецких босоножках.

– Добрый вечер! Это вы сдаете комнату одинокой девушке без вредных привычек?

За дверью напротив послышалось глухое бормотание. Маразматичная старуха, которую все называли «бабкой Элеонорой», игнорируя отчество, выражала свое неодобрительное отношение к творящемуся на лестничной площадке безобразию. Егору на ее недовольство было начхать и растереть, но игра уже началась, поэтому он опасливо посмотрел на соседскую дверь, а потом схватил гостью за руку, втянул в прихожую и захлопнул дверь, на радостях позабыв задвинуть засов.

– Что вы себе позволяете? – пискнула гостья, но Егор уже достал из кармана домашнего халата складную наваха и начал медленно ее раскрывать...

Наваха была тупой безопасной имитацией – еще не хватало нам порезов! – но выглядела крайне устрашающе, пожалуй, даже более устрашающе, чем кривая усмешка злодея, заманившего в свое зловещее логово очередную жертву.

– Нет-нет... – затряслась гостья. – Пожалуйста, не надо... Прошу вас... Не надо меня убивать, я сделаю все, что вы скажете...

В прихожей она говорила тихо, практически шептала, чтобы не будоражить соседей, но в спальне, при закрытых окнах и дверях, прибавила громкости.

– Что вы собираетесь со мной сделать?.. Прошу вас, пожалейте меня... У меня мама больная, о ней некому больше заботиться... Не надо... Не надо...

После того, как ее рот был заткнут шариком-кляпом, несчастная жертва могла только стонать. Стонала она так, что сердце готово было разорваться на части радовалось. Оставив жертву дозревать на кресте, Егор пошел на кухню, приготовил себе в джезве кофе и вернулся с дымящейся чашкой в комнату.

– Сейчас я вытащу кляп, и ты станешь вести себя хорошо, иначе я поучу тебя плетью! – предупредил он, смачно отхлебнув из чашки. – Будешь пайнкой – сможешь допить мой кофе.

Сценарий предусматривал покорность только в самом конце, после множества вразумляющих ударов мягким флогером, на самом деле не причинявшим никаких других ощущений, кроме легкой щекотки. А до тех пор жертва должна была умолять о снисхождении и звать на помощь, так что, избавившись от шарика, жертва завопила (правда, сдержанно, не в полный голос):

– Спасите!.. Не надо!.. Я не хочу!.. Мамочка!.. Пожалейте меня, пожалуйста!.. Не надо!.. А-а-а!

Егор с трудом поборол искушение отвязать Анечку и наказать ее иным образом на кровати. Но торопиться не полагалось. Во-первых, игры нужно доигрывать до конца, а, во-вторых, следовало как следует истомиться, чтобы наслаждение вышло особенно сладким.

– Придется тебя поучить, – с напускным сожалением констатировал Егор, возвращая кляп на место. – Для начала – дюжина ударов, а там будет видно...

Вошедшая в роль «жертва» дергалась при каждом ударе так сильно и стонала так громко, будто в руке у Егора был не девайс для щекотания, а настоящая казацкая нагайка. Оба увлеклись настолько, что не слышали, как открылась входная дверь, а за ней – дверь в комнату.

– На пол! Живо! – скомандовал мужской голос...

Участковый уполномоченный капитан Зиннатуллин беседовал с гражданкой Иргутиной, у которой неизвестные злоумышленники днем украли ковер, вынесенный для выбивания во двор. Судя по задрипанной обстановке квартиры и затрапезному виду хозяйки, коверу была грош цена в базарный день, но Иргутина несла какую-то пургу о «настоящем хорасанском ковре», который ее отцу, председателю профкома в институте металлургического машиностроения, якобы подарила иранская делегация. В квартире пахло кошачьим духом и пригоревшим молоком, а от Иргутиной, кутавшейся в шаль, несмотря на жаркий день, исходил ядреный аромат давно не мытого тела. Сказать, что капитан Зиннатуллин страдал, означало не сказать ничего. Ему хотелось пристрелить гражданку Иргутину, отстрелить по очереди всех ее кошек, а затем застрелиться самому, потому что иначе из этого вязкого кошмара не выбраться. Но вдруг...

Но вдруг сверху послышался женский голос.

– Спасите!.. Не надо!.. Я не хочу!.. Мамочка!.. Пожалейте меня, пожалуйста!.. Не надо!.. А-а-а!

– Уроды, которые трубы меняли, поленились как следует дыры замазать, – Иргутина охотно переключилась на новую тему. – А я им говорила, чурбанам, что цементом нужно, да туда, в дыру его пихать... Но разве они послушают? Им лишь бы быстрее. Лягнули штукатурки поверху и ушли, а я теперь соседский телевизор слушаю, а у меня от посторонних шумов сразу же давление поднимается. Вот скажите, Равиль Шарифович, можно ли этих гадов привлечь за нанесение ущерба моему здоровью?

– Это не телевизор! – сказал Зиннатуллин. – Вы посидите, я сейчас...

На пятый этаж он не поднялся, а буквально взлетел, заодно успев достать из кобуры и снять с предохранителя пистолет. Постоял, прислушиваясь, секунд пятнадцать у двери в тридцать шестую квартиру, но до лестничной площадки никакие звуки не доносились. Капитан поднял было руку для того, чтобы постучать в дверь, но наитие побудило его нажать на ручку. Дверь подалась. Зиннатуллин осторожно вошел в полутемную прихожую и начал изучать обстановку. Дверь в ближнюю комнату, находившаяся справа от входной, была открыта и, судя по всему, там никого не было, а вот из-за закрытой дальней двери доносились стоны вперемежку с каким-то уханьем, примерно так ухал дедушка Равиль, когда рубил топором бараньи туши. Медлить было нельзя, там явно кого-то убивали...

Реальная картина оказалась еще хуже той, которую нарисовало воображение. Худенькую обнаженную девушку, явно школьницу, распятую на косом кресте, бил кнутом здоровенный амбал, на котором из одежды была только красная маска. Торчащий сверху причиндал указывал на то, что амбал испытывал большое удовольствие от происходящего.

Палец, лежавший на спусковом крючке, отчаянно зачесался. К той неприязни, которую любой нормальный человек, а в особенность – страж порядка, испытывает по отношению к насильникам и истязателям, добавились и личные соображения – у капитана Зиннатуллина была четырнадцатилетняя дочь Эльвира, которую он очень любил. А еще капитан Зиннатуллин служил в полиции уже двадцатый год и успел за это время навидаться разного. Он знал, что маньяков нужно класть на месте, потому что суды нередко отправляют их на принудительное лечение в психбольницу, откуда они без особо труда сбегают и снова принимаются за свои черные дела.

Маньяк попался ссыкливый – рухнул по команде на пол, вытянул руки перед собой и заверещал:

– Это по согласию! Это игра! Мы просто играем!

Девушка снова застонала и забилась-задергалась на кресте. Взгляд ее, устремленный на Зиннатуллина, был полон мольбы. Ничего себе «игра по согласию»!

– Вытащи кляп! – приказал негодяю Зиннатуллин, отходя в сторону от двери, чтобы маньяк и его жертва не находились на одной линии; заодно маньяку создавалась возможность предпринять попытку к бегству, а это уже основание для применения оружия – «остановочный» в затылок, затем предупредительный в потолок, а девушка подтвердит, что очередность была обратная, не станет же она топить своего спасителя.

– Спасите меня! – завопила девушка, едва маньяк вынул кляп. – Я сделаю все, что вы хотите, только спасите меня! Он меня до смерти замучает! А-а-а!

Маньяк оказался не только ссыкливым, но и наглым – развел словно бы в растерянности руки и залопотал:

– Ты что? А? Ты что? Мы же договаривались...

– Я по объявлению пришла... Комнату снять хотела... А он... – девушка захлебнулась рыданиями и не смогла продолжать свой горький рассказ.

– Да врет она все! – маньяк рывком сдернул с лица маску и чуть было не получил пулю между глаз; судя по тому, как поникло его оружие, удовольствия от происходящего он больше не испытывал.

– Не дергаться! – гаркнул Зиннатуллин. – Повернись спиной ко мне, стань на колени и заведи руки за спину. Плавно, а то я тебе покажу, как над детьми издеваться...

Он угрожающе качнул стволом пистолета.

– Да она совершеннолетняя! Могу ее паспорт показать...

Вместо того, чтобы опуститься на колени, маньяк метнулся в угол, к столику на котором были разложены разные нехорошие вещи – ремни, наручники, два стека, подлиннее и покороче, и большая дубинка... Дубинка была поролоновой, но Зиннатуллин не мог этого знать. Обрадовавшись столь удачному повороту дела (нападение на сотрудника – это вам не попытка к бегству!) капитан выстрелил, но рука от волнения сильно дрожала и потому вместо головы он попал негодяю в ногу. Тот рухнул на пол, дернулся раз-другой и затих. Добивать «бессознательного» раненого маньяка у капитана Зиннатуллина рука уже не поднялась...

В приемном отделении двадцатой клинической больницы любят вспоминать о том, как один капитан полиции, застав жену с любовником, стрельнул в того из табельного оружия, а затем арестовал как насильника. Но правда быстро всплыла и раненого перевели из «арестантского корпуса» (так называется изолятор временного содержания при больнице) в травматологию, где он благополучно долечился – ногу ему не ампутировали, но в колене она больше не сгибается.

С Анечкой после ее «чудесного спасения» Егор пообщался только раз и то не лично, а по ватсапу. Общение было коротким.

«Зачем ты соврала?»

«Прости, я думала, что игра продолжается, ты же не сказал: «Конго». Я думала, что это импровизация, сюрприз».

«ДУРА!»

«САМ ДУРАК!!! Правила нужно соблюдать! Особенно если сам их устанавливаешь!».

* * *

Мораль сей притчи давно сформулирована народом: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет». Добавит к этому нечего.

Как-то так.

Притча четвертая Две Дианы

*«Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды»*

*Уильям Шекспир, Сонет 147 (Перевод Самуила Яковлевича
Маршака)*

Знакомство было случайным и не выглядело, как знакомство.

– Диана! – звала, озираясь по сторонам женщина, державшая в руках поднос с бургерами, картошкой-фри и колой – в заполненном народом фудкорте торгового центра трудно было сразу найти нужный столик. – Диана!

– Мама! – позвала издалека девочка лет тринадцати. – Я тут!

Павел посторонился для того, чтобы пропустить женщину и машинально отметил, что она симпатичная и что дочь у нее тоже зовут Дианой. Ничего удивительного, довольно распространенное имя по нынешним временам.

Имя дочери выбрала бывшая жена, фанатевавшая от всего заграничного. В конечном итоге фанатизм довел ее до эмиграции – бросила Павла с пятилетней Дианой и уехала в Марсель к своему новому мужу, тоже, между прочим, адвокату, хотя бы в этом бывшая соблюдала постоянство. Все знакомые удивлялись – ну как так можно? – и сочувствовали, но Павлу впору было принимать поздравления, потому что за шесть лет совместной жизни бывшая-уплывшая достала его капитально. Ни дня без претензий, ни дня без истерик, короче говоря, отдыхал Павел только в командировках, а коллеги удивлялись – с чего это Калистратов так охотно хватается за иногородние процессы, ведь на него же и в Москве спрос неплохой? Работал Павел много, но все заработанное уходило в какую-то черную дыру, потому что бывшей сколько ни дай, всегда было мало.

Отдохнув год, Павел начал неспешные поиски новой подруги жизни. Сайты знакомств он игнорировал по двум причинам. Во-первых, опыт приятелей показывал, что на сайтах нормальную женщину найти нельзя – «одни щучки да сучки», как выразился бывший одноклассник Артурик, а, во-вторых, в глубине души Павел был фаталистом, верившим в судьбоносные встречи, причем исключительно в реале, чтобы искра проскочила, душа запела и потускневший мир снова засиял бы яркими красками. Но провидение как-то не торопилось – поиск подруги затянулся на семь лет...

В первую встречу мама Дианы особого впечатления не произвела, потому что царившая вокруг многолюдная суэта помешала Павлу впечатлиться. Но провидение настойчиво – спустя три дня незнакомка обратилась к нему со своей проблемой. Вот когда она вошла в кабинет, то и искра проскочила, и душа запела и все вокруг засияло, будто протертое влажной салфеткой. «Какая женщина! – восхищенно думал Павел, фиксируя взгляд то на высоких скулах, то на струившихся по плечам рыжих локонах, то на красиво очерченных полных губах, не нуждавшихся в силиконовой подпитке. А глаза... Павел никогда не встречал таких глаз, которые то казались голубыми, то зелеными и невозможно было заметить, когда менялся цвет. Фигура была под стать всему остальному – красивая, стройная, но не тощая (Павел не относился к фанатам лозунга «на костях мясо слаще».

– У меня такая беда, что просто настоящая трагедия, – начала гостя тоном, подходившим для монолога Офелии. – Человек, которого я любила, предал нас с дочерью, а, вдобавок, еще и хочет обобрать.

Дело не стоило и выеденного лица – сожитель, он же отец ребенка, нашел другую женщину и собрался отсудить половину квартиры, оформленной на имя Регины (так звали потенциальную клиентку и имя ей шло – проскальзывало в облике и манерах что-то царственное).⁵

– Квартира оформлена на мое имя, ипотеку выплачивала я, и в семейный котел тоже вносила не меньше половины, а теперь он заявляет, что полностью содержал нас с дочерью и на этом основании требует или размена, или выплаты половины стоимости квартиры. Самое ужасное, что у него есть свидетели, которые могут подтвердить, что он постоянно давал мне крупные суммы, хотя на самом деле они ничего не видели, просто они из его бригады...

– Что за бригада? – нахмурился Павел.

– Обычная, – пожалала плечами Регина. – Ремонты делают, а Гриша у них за прораба. Дело на первый взгляд прибыльное, но часто бывают длительные простои, да и на деньги они влетают постоянно – то заказчик кинет, то приходится что-то переделывать за свой счет. Так что еще вопрос – кто кого содержал...

– И деньги от клиентов он, скорее всего, налом получал?

– Да, конечно, все так делают. Если его дружки скажут, что он в месяц по полмиллиона зарабатывал, то я никак не смогу это опровергнуть... Чему вы улыбаетесь? Я сказала что-то смешное?

«Нет, просто мне на вас смотреть приятно», чуть было не вырвалось у Павла, но он успел вовремя прикусить язык и сказал совсем другое:

– Ваша проблема дутая. Прежде всего, сожитель не вправе претендовать на ваше имущество, купленное в период ваших отношений. Это раз. Доказывать вам ничего не придется – это он должен подтвердить свои доходы, причем документально, а не свидетельскими показаниями...

– Он может задним числом любые документы сделать! – перебила Регина. – Это такой аферист, что пробу негде ставить. Вечно клиентам левые чеки и накладные подсовывал с завышенной стоимостью материалов!

– Существует такое понятие, как экспертиза...

– Он такие документы сделает, что ни один эксперт не придерется! – убежденно заявила Регина. – Я же говорю – это такой аферист, что пробу негде ставить.

– Видали мы разных, – усмехнулся Павел. – И эксперты тоже видали. А уж лжесвидетелей в половине дел пытаются выставить. Давайте мы сделаем так – дайте вашему Грише мою визитную карточку, пусть он мне позвонит, и я ему объясню расклады. Думаю, что на этом дело и закончится.

– Без суда? – удивилась Регина.

– Без суда, – кивнул Павел. – У вас железная позиция, а у него дутые претензии. Какой тут может быть суд? Он вас просто на испуг взять пытается, обычное дело.

– Но вы же его совсем не знаете... – Регина вздохнула. – Это такой человек...

– Давайте сделаем так! – Павел вскинул левую руку и с преувеличенной деловитостью посмотрел на циферблат своего «бомберга». – Сейчас у меня нет времени, но мы можем встретиться вечером, после работы и все обсудить подробно. Я вам подробно разьясню преимущества вашей позиции и все ваши тревоги исчезнут.

– После работы? – Регина удивленно посмотрела на Павла.

– В кафе «Багет-шербет», это чуть дальше по Маросейке в сторону Ильинских Ворот... Удивления во взгляде Регины стало еще больше.

– Ничего личного, каждый платит за себя, – поспешно добавил Павел. – Просто мне за день так надоедает мой кабинет, что вечерние дела я предпочитаю обсуждать в другой обстановке.

⁵ Regina – «царица» (лат.).

– Ну, хорошо, – после небольшой паузы сказала Регина. – А во сколько? Мне к десяти непременно нужно быть дома, потому что дочка без меня спать не ляжет.

– Моя без меня тоже не ложится, – ответил Павел. – Если встретимся в семь, то к половине девятого точно закончим.

К половине девятого все только началось. С делового перешли на личное. Выслушав в подробностях историю Регины, Павел рассказал ей свою историю, а затем предложил продолжить знакомство.

– Все так неожиданно... – растерялась Регина. – Я, вообще-то, на деловые отношения настраивалась...

– А это тоже деловые отношения, – ответил Павел. – Только они важнее всех остальных... Давайте попробуем, а? Вдруг сложится? Попытка – не пытка.

Регина согласилась. Месяца через три обоим стало ясно, что попытка оказалась удачной. Для того, чтобы убедиться в этом окончательно, слетали вместе на неделю в Калининград, оставив детей на попечение бабушек. Павел объяснил дочери отъезд очередной командировкой, а Регине, у которой командировок никогда не было, пришлось выдумать ведомственную конференцию по предпринимательскому микрофинансированию. Поездка порадовала обоих – лучше притерлись и сильнее привязались друг к другу. Пора уже было знакомиться с детьми и знакомить их между собой.

– Я сказала Дианочке, что ты работаешь консультантом в нашем банке, – призналась Регина. – Не хотела рассказывать, что я пришла к тебе за советом по поводу выкрутасов ее папаши. Я изо всех сил стараюсь оберегать ее от этой грязи...

Гриша имел с Павлом четвертьчасовой телефонный разговор, после которого больше никаких материальных претензий к Регине не предъявлял. «Паша! Ты волшебник! – восхищалась Регина. – Что ты ему сказал?». «То же самое, что и тебе», ответил Павел умолчав о обещании прижать идиота, если тот не угомонится, за незаконное предпринимательство.

Павел тоже был вынужден соврать дочери, потому что незадолго до этого у них состоялся разговор об адвокатской этике, вызванный совместным просмотром фильма «Клиент». Дочь, готовящаяся идти по стопам отца, обожала фильмы про адвокатов. Книги про адвокатов она тоже обожала, но фильмам отдавала предпочтение. После того, как рассуждал о том, что между адвокатом и клиентом не может быть никаких отношений, кроме рабочих, было неловко рассказывать, как сам запал на женщину, пришедшую к нему на консультацию. Пришлось сделать Регину двоюродной сестрой своего коллеги Леонида Борисовича, у которого в марте как раз был день рождения, вот на нем-то они якобы и познакомились. Да, разумеется, рано или поздно правда всплывет, но пока что пусть все будет так, как сложилось.

– А она похожа на маму? – спросила дочь.

– Совсем непохожа, – ответил Павел, немного удивившись вопросу.

Бывшая-уплывшая не напоминала о себе после отъезда за границу, и Диана уже несколько лет не вспоминала о матери. А тут вот вспомнила, да еще и в таком ключе – похожа ли? Сравнить будет? А с чем сравнивать? Она же практически не помнит эту кукушку. Но какой-то образ определенно существует, не может не существовать.

У Павла мелькнула было мысль о летнем отдыхе вчетвером где-нибудь на море, но Регина эту идею не поддержала. Провести вместе четыре недели сразу же после знакомства – это серьезное испытание, к которому девочки явно не будут готовы. Нет, лучше пусть сближаются постепенно, по собственной инициативе, а не по воле родителей, увезших их отдыхать. Поразмыслив, Павел пришел к выводу, что Регина права – не стоит форсировать события.

– Но на будущий год мы точно поедем отдыхать вместе! – сказал он. – На машине. Устроим большой вояж с заездом в разные интересные места, даром я, что ли, «Крузак» купил...

– Обожаю путешествовать! – простонала Регина, закатив от восторга глаза. – Особенно – с семьей. Гриша с нами никогда отдыхать не ездил, всякий раз делами отговаривался. Уверена, что Дианочка оценит!

Если бы кто-то сказал им в тот момент, что вместе они совершат только одно, очень короткое, путешествие от дома Регины в Сокольниках до института имени Склифосовского, причем – на разных машинах, то они бы рассмеялись и послали горе-предсказателя куда подальше. Но стрелки небесных часов, отмерявших счастье, уже близились к роковой отметке...

Поскольку летом отдыхали порознь, знакомство дочерей пришлось отложить до середины августа, приурочив его к дню рождения Регины.

– Для подруг я устрою застолье на следующей неделе, – сказала Регина. – Позже – не раньше. А шестнадцатого числа отпразднуем вчетвером, в узком семейном кругу и непременно дома...

– Почему не в ресторане? – поинтересовался Павел, собиравшийся устроить феерический праздник со взрывами воздушных шаров-сюрпризов и какой-нибудь прикольной анимационной программой.

– Зачем нам зрители? – удивилась Регина. – Дело ведь семейное, келейное. Да и мне так будет спокойнее. Честно говоря, я ужасно волнуюсь, а дома и стены помогают.

Павел тоже волновался, но надеялся, что все сложится нужным образом. Диана – благо-разумная девочка, она оценит выбор отца по достоинству. Регина ей обязательно понравится, потому что иначе и быть не может. А с сестренкой ей будет веселее... У такой замечательной женщины, как Регина, должна быть замечательная дочь, ведь яблоко от яблони падает недалеко...

– Только ты не связывайся в праздник с готовкой, – предупредил Павел. – Сейчас же можно заказать все, чего душа пожелает.

– Еще чего! – фыркнула Регина. – В первый приход жениха невеста должна показать себя с наилучшей стороны, блеснуть всеми талантами. Заказать можно торт для детей, потому что по сладкому я не специалистка, а вот расстегаи и жаркое я обеспечу. Вместе с салатами. Дианочка обожает готовить салаты, нарезает ингредиенты быстрее комбайна... У вас аллергии ни на что нет? Или каких-то особых предпочтений?

– Нет, – ответил Павел. – Мы всеядные.

– Мы тоже, – улыбнулась Регина. – А из тортов Дианочка предпочитает бисквитно-кремовую классику.

– Моя тоже, – Павел усмотрел в этом совпадении добрый знак. – «Сказка» – наше все!

Подарок Регине он придумал с дальним прицелом. Решил, что на день рождения преподнесет ей серьги с бриллиантами, а немного позже, вместе с официальным предложением руки и сердца – кольцо в том же стиле. Для того, чтобы не ошибиться с выбором, Павел показал в магазине фотографию Регины.

– Какая красавица! – восхитилась девушка за прилавком (впрочем, может и не очень-то искренне, но Павлу все равно было приятно). – Вашей даме идеально подойдут подвески-капельки! Обратите, пожалуйста, внимание вот на эти. Скажу вам по секрету, что пару дней назад точно такие же купила сама Дина Пападаки...

– А есть что-нибудь авторское, в единственном варианте? – спросил Павел. – Только мне вместе с кольцом, единый гарнитур.

– О, да вы настроены серьезно! – девушка сделала приглашающий жест рукой. – Авторские изделия у нас выставлены на отдельном стенде.

При виде цен на авторские изделия Павел понял для чего понадобился отдельный стенд в углу – чтобы покупателей не распугивать. Но момент был не тот, чтобы жадничать, да и вообще Регина стоила того, чтобы купить ей весь этот стенд целиком (образно говоря, потому что на это

у вполне преуспевающего адвоката Калистратова средств бы не хватило). Павел и Дианочке не прочь был что-нибудь подарить, но Регина строго-настроено запретила это делать – получится, будто ее хотят подкупить, а это совершенно ни к чему, достаточно будет торта. Адвокаты – люди ловкие, так что Павел решил сделать «ход конем» и преподнести обеим Дианам билеты на концерт Юлии Сильвер, от которой фанатели все подростки. Билеты – это не подкуп, а просто знак внимания, к тому же совместный поход на концерт поспособствует сближению. Иногда Павел с сожалением думал о том, почему он не встретил Регину пять или шесть лет назад, когда их дочери были маленькими, а с маленькими всегда проще. Но тут же одергивал себя – какой смысл сожалеть о несбывшемся? Надо радоваться тому, что они все-таки встретились и теперь, после стольких лет одиночества, эта радость была особенно сильной, сильнее, чем в тринадцать лет, когда он, впервые в жизни, влюбился «до печенок» в одноклассницу Таньку Охрименко. В первый раз радуешься как-то бездумно, потому что сравнивать не с чем – это же первый раз, а вот сейчас пройдя через огонь, воду и медные трубы, начинаешь по-настоящему, по-взрослому ценить обрушившееся (иначе и не сказать) на тебя счастье. Только бы дети поладили между собой и приняли новый состав семьи...

Дети невероятно порадовали. Дочь помогала Павлу выбирать розы для Регины, причем старалась изо всех сил, а, переступив порог регининой квартиры сразу же заулыбалась и просто залучилась дружелюбием. Точно так же вела себя и регинина Дианочка, показавшая себя даже более гостеприимной хозяйкой, чем ее мать – подкладывала гостям на тарелки расстегаи, поддерживала светскую беседу и исполнила под гитару, причем весьма неплохо, романс «Сгорая плачут свечи». Павловой Диане сразу же захотелось научиться играть на гитаре, и «сестренка» пообещала помочь. Диана в ответ предложила научить Дианочку трюкам на скейтборде, разным там олли-нолли и флипам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.